

Михаил ДАНКОВ

г. Петрозаводск

«Я БЫ ЗВЕЗДУ ЭТУ СЫНУ ОТДАЛ...»

Лет десять назад, разбирая документы и фотографии в семейном архиве в Москве, моя двоюродная сестра талантливая художница Марина Гумилевская обнаружила потрясающий дневник «Поход по линии Маннергейма», который в 1941 г. скрупулезно вел мой отец Юрий Георгиевич Данков (Вальденмайер).

В первый раз о рейде я услышал от него самого, когда готовился к сложному походу на Кимасозеро по «Лыжне Антикайнена». Однако о существовании рукописного блокнота, который велся на местах боев только что завершившейся советско-финляндской войны, я даже не мог догадываться. Признаюсь, этот документ, обнаруженный спустя полвека, перевернул многие представления не только о предвоенном времени, но и о поколении, которое «вырвало» победу в следующей, более кровавой битве с фашизмом.

Сейчас хочется предложить вариант историко-семейного эссе о героической странице в биографии моего отца, военного врача, выпускника 2-го Московского медицинского института. В январе-феврале 1941 г. он вместе с товарищами из московских академий преодолел сотни километров «разбитого» Карельского перешейка, зимой 1941–1942 гг. участвовал в «смертельной» битве за Москву, а в 1945-м победно штурмовал Кенигсберг.

Идея рейда московских студентов

Все началось с «проходной», на первый взгляд, газетной заметки «На лыжах по бывшей «линии Маннергейма». Материал был опубликован в январе 1941 г. в общеполитической газете «Красная звезда» и посвящался подготовке к походу по маршруту «Териоки – Выборг – Кексгольм – Сортавала».

Сообщалось о предстоящем рейде по части территории Финляндии, которая после Зимней войны 1939–1940 гг. отошла к СССР. Однако внимательный читатель за скромным газетным текстом мог почувствовать серьезность проекта, организованного, скорее всего, в Кремле. Из 100 наиболее крепких парней, слушателей военных академий Москвы и военных факультетов институтов, отдел военного туризма Центрального дома Красной армии в течение месяца отбирал самых подготовленных лыжников. В подмосковных лесах шли изнурительные тренировки. Учитывались спортивная подготовка, психологическая совместимость и, безусловно, патристический настрой.

Мой отец в должности командира походного отделения, состоящего из вольнослушателей 2-го Московского мединститута и представителей ВАММ (Военная академия моторизации механизмов), вошел в состав общей экспедиционной группы.

Спортивный, но, скорее, пропагандистский поход

планировался на «обескровленной» территории врага, где с ноября 1939 по март 1940 года разворачивался жуткий конфликт. Еще до начала войны Сталин «с дьявольской логикой» заявил: раз мы «ничего не можем поделать с географией... и Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть... границу». Страшная сентенция вождя обернулась в 105 дней бойни, в которой маленькая Суоми потеряла около 30 тысяч граждан, а СССР более 127000 убитыми, погибшими в лазаретах и пропавшими без вести. Зато после Зимней войны земли Карельского перешейка навсегда перешли под юрисдикцию большевистской России.

Руководство страны решило отметить эту «победу» по-своему. В итоге пятьдесят московских студентов, выдержавших тренировочные испытания, успешно преодолели более 250 километров бездорожья «главной маннергеймовской линии укреплений» и добрались до Кексгольма (современный г. Приозерск).

Сохранившийся дневник «Поход по линии Маннергейма. Январь 1941 г.» во многом проясняет цели студенческого рейда. Территорию, с кровью отобранную у неприятеля, требовалось срочно промаркировать и навсегда сделать своей. Лучше всего это могла сделать воодушевленная оборонной идеей молодежь, которая по призыву К. Ворошилова предпринимала конные, пешие и лыжные походы, которая настойчиво готовилась к будущей войне. Безусловно, рейд имел и спортивный аспект. Каждый участник по-настоящему жаждал испытать себя в экстремальной ситуации, хотя и не всем это удалось... Конечно, присутствовала и исследовательская цель. Своими глазами хотелось увидеть считающуюся непроходимой «линию Маннергейма» и заодно нанести на карту, сфотографировать «хваленые» вражеские доты.

Январский дневник 1941 года

Помимо бытовых и политических деталей, непривычных для нашего времени, полевой документ зафиксировал трудности лыжного марша 1941 г. и продемонстрировал невыдуманный «советский дух» молодых людей, будущих солдат Великой Отечественной войны.

События в дневнике автор излагал в свободной манере, без стилистической и редакционной правки. Безусловно, никто не рассчитывал на дальнейшую публикацию записей. Однако заметки, день за днем повествующие о происходящем, без сомнения можно считать редким источником о предвоенном времени страны. Тем паче что иные документы об этом походе по территории

освобожденного Карельского перешейка пока никому не известны. Возможно, в дневнике кое-что отмечено недостаточно точно, зато события изложены живо и искренне, без канцелярских и ура-патриотических выкрутасов.

Первая карандашная запись в блокноте относится к 25 января 1941 г. Тогда завершилось совещание у начальника военфака мединститута, где прозвучало напутственное слово. В шесть вечера был назначен общий сбор на Трубной площади.

Студенты, уложив рюкзаки, с шумом и «паникой», но в «боевой готовности», отправились на вокзал. Отец пишет: «В поезде нам был выделен отдельный вагон. Весь отряд состоит из 50 лыжников и нескольких представителей из секций военного туризма ЦДКА». Уже к утру следующего дня команда прибыла в Ленинград, в котором многие даже не бывали.

Сначала на трамвае добрались до Финляндского вокзала. Любопытно, что «комендант города не разрешил ходить по Ленинграду в военном головном уборе и лыжном костюме в одиночку», поэтому пришлось передвигаться только строем. Организовав «перекус» в столовке, отец – командир походного отделения – отправил «народ» «в Эрмитаж, а сам пошел бродить по Ленинграду и «вспоминать знакомые места».

Только в восемь вечера сборный отряд московской молодежи выехал в Выборг. Когда через час проезжали Териоки, современный Зеленогорск, отец отметил: «строений вокруг почти никаких не видно, а на правой стороне» лишь «полуразбитый бомбами вокзал». Тем не менее все прекрасно понимали – это «первый заграничный город». Еще более поразил Выборг, в который добрались за полночь. Вокзал оказался «чистый и выглядит ново», а следов «бомбардировки не видно» вообще. Лишь «над старой надписью Virpurii блесит новая русская дощечка Выборг».

Более внимательно исторический город стали осматривать утром 27 января. Курсанты московских военных академий забрались на крепостную башню и, вероятно, ничего не узнали о грандиозном сооружении. А ведь дозорная башня Святого Олафа была возведена еще в 1293 г. Русские солдаты Петра I, захватившие в 1710 г. замок, дали ей имя Длинный Герман. Легенда гласит, что радостный государь, взбираясь по лестнице к куполу, обязательно «усугублял» по чарке вина из каждой бочки с каждого ее яруса. И наверно хорошо, что студенты не знали об этом «сомнительном» подвиге Петра Алексеевича...

Зато отца поразил вид – «весь Выборг как на ладони», были «видны многочисленные острова,

*Лагерь военфака 2-го МГМИ под Ржевом.
Июнь 1941 г.*

*Ю. Вальденмайер.
Кенигсберг.
26 августа 1945 г.*

*Отец и мать в Кенигсберге.
26 авг. 1945 г.*

*Военврач Вальденмайер
у санитарной машины.
Январь 1942 г.*

которые с таким трудом занимала Красная армия». В то же время нельзя было не заметить «здание музея, сожженное финнами перед отступлением» и то, что «четверть... домов разрушена или носит следы бомбардировки и обстрела».

Позже, бродя по городским переулкам, отец отметил еще одну сложность, ведь «названия все финские и, к сожалению» очень плохо «запоминаются».

«Кильватерная колонна»

К полудню, поправив амуницию, «участники друг за другом в кильватерной колонне тронулись в поход». Темп «движения оказался слабым, не более 5-6 км в час», да и вес «рюкзаков пока» казался легким, ведь «с нас сняли палатки, спальные мешки и часть продовольствия». Поэтому в дневнике появилась запись: «идти медленно скучно». Между тем в фотоаппарате «Лейка» за-

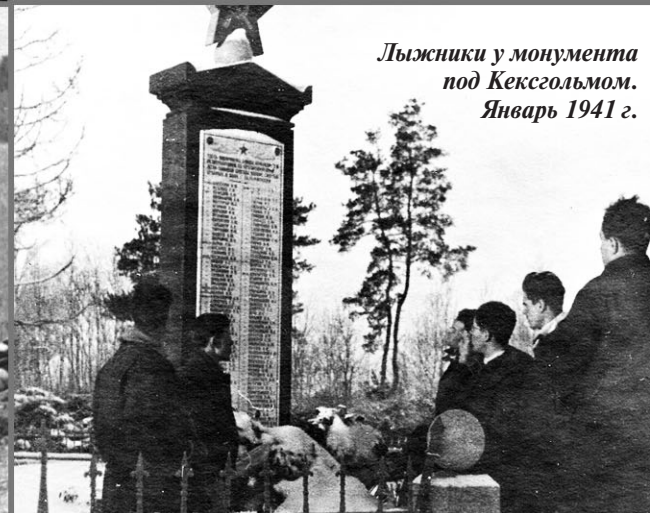
*Ю.Г.Вальденмайер
(Данков)
военфак 2-го МГМИ.
Сентябрь 1940 г.*

*Поход по линии Маннергейма.
Первым идет Ю.Г.Вальденмайер.
1941 г.*

На сборах в лагере военфака 2-го МГМИ. Июнь 1941 г.

*Лыжники у монумента
под Кексгольмом.
Январь 1941 г.*

кончилась пленка, и перезарядить ее в движении не удалось.

Вскоре («из-за ошибки на карте развилка шоссе не соответствовала действительности») лыжники сбились с маршрута, пришлось «свернуть с шоссе вправо» и «по лесу и полю», как пишет отец, «проходить до самого вечера», пока не нашлось «наше шоссе». Курсантов поразила обстановка: «лес на каждом шагу говорит о наших боях». Вокруг «мотки колючей проволоки, гильзы, окопы, землянки». По

пути «попалось несколько полустертых табличек, написанных прямо от руки», посвященных «погибшим бойцам в борьбе с белофиннами в 1940 году».

Стало темнеть, отец выбрал четверку лучших лыжников и побежал навстречу машине, «которая должна ждать на поле в Сумме», бывшем узле обороны противника. Он отметил, что «пошли быстро, свитера сразу же промокли, вес в 18-20 кг за спиной дал себя знать». Но трудно идти еще потому, что «ребята, мои спутники по 1-му взводу – отстают. Прихо-

дится ждать». Так добрались «до перепутья Выборг – Сумма – Лягда», но без остановки, необходимо двигаться, «уже темно», а они «сильно устали, еле держимся на ногах, белье все мокрое»...

«Опушка скошенных артиллерией деревьев...»

Добравшись до Суммы, сквозь сумеречный свет увидели, что место «представляет собой опушку скошенных артиллерией деревьев и сплошь выбитый участок поля». Отец пишет: «там и сям видны громадные финские доты, некоторые из них разворочены», хотя сохранились и неповрежденные. Действительно, в секторе Сумма (Summa) у озера Summajärvi (ныне озеро Желанное) с декабря 39-го по февраль 40-го шли кровопролитные бои.

Однако «никаких признаков машины не видно, идти дальше бесполезно». Принимается решение «повернуть обратно» к развилке дорог, где они и встретились с «основной группой лыжников».

Да, «темно, холодно, люди устали, промокли, хотят есть». Надо разбивать «лагерь в лесу, в кольце бывших финских окопов, прямо в глубоком снегу».

Мокрое белье «через несколько минут превратилось в ледяную корку». Срочно переодеваются, «иначе можно... простудиться», тем более что «руки не слушаются, одеревенели». Разводится «громадный» костер, и «затеваается... горячее крепкое какао», всем «становится веселее, появляются песни... с уст не сходит «Синенький скромный платочек»... Кто-то предлагает сварить макароны, «это, говорят, не вредно». Вся группа неимоверно устала, «но спать нельзя, рюкзаки... в машине, а машины нет», поэтому приходится у костра «проводить время так». Мне кажется, первая походная ночь стала серьезным испытанием и многому научила.

На следующий день бойцы проснулись от мороза рано и после скорого завтрака отправились внимательнее осматривать «знаменитый» финский укрепленный район Сумма. «Здесь полегла не одна сотня наших людей», «среди поля, в стороне от дороги поставлен красивый памятник героям-танкистам 35-й легкой танковой бригады, героически погибшей в 40 году».

После тяжелой экскурсии колонной двинулись на Лягду, которая расположена «в 5-6 км от места ночевки», а станция «Кяло (Кайяла) осталась влево». Места здесь «очень живописные, красивые снежные дороги». Путь лежит в направлении железнодорожной станции Ляйнесуаа (Лейпясуо), «в стороне видна знаменитая высота 65,5, которую прорвала 135-я дивизия».

Здесь «на 20 минут» вынужденно сделали «малый привал», чтобы несколько «наиболее слабых лыжников с 3-го отделения отправить в Выборг». Одновременно «утверждаемся в мысли переночевать» в доме-клубе «небольшой деревеньки Хотокку» (Иля Хотакка). За день был преодолен путь «не более 20-22 км». Однако «от плохой ночевки и первого дня пути люди устали». Ужин оказался скромным и состоял «из горячего чая и сухих продуктов перед сном». Отцу, «как и раньше, пришлось многим прибывшим «оказывать медпомощь».

«Карта составлена не точно»

На следующий день подъем отряда был в семь утра, короткие «сборы в путь», на завтрак «рисовая каша, суп с грудинкой», но чая не хватило – «по одной кружке кипятку и все». Вышли через два часа недалеко от Хотокки, где «сохранилось 2 дота, осмотрели их», но не сфотографировали, «Лейка» «оказалась не заряжена». В группе «самочувствие хорошее, на лыжах идти легко, хотя нагрузка в мешках полная». Прошли заброшенные деревни Сювена (Сувеная) и дальше Алакусса (Куса). Здесь «сохранился старый помещичий дом, где сейчас детский санаторий».

Лыжники устраивают «большой привал,... согрели кипятку», достали консервы, колбасу и масло и после получасового отдыха «двинулись в дальнейший путь». Но тут же, подойдя к развилке дорог, остановились. Отец пишет: «Ориентируемся по компасу и пробуем подогнать к местности». Но не получается, «карта составлена не точно», а отряду необходимо выйти к ст. Пуннус, что на железной дороге Выборг – Валькиярви (Валкиаматка). Неожиданно встретился путник, который уверил, что в разрушенном Пуннусе сохранилась «хибарка, в которой живут четверо рабочих». Он посоветовал идти по левой дороге. Однако преодолев четыре километра, увидели, что двигаются совсем не туда. «Ошибку надо исправлять», и вместе с «командованием решаем идти по целине». Направление выбирается по компасу и карте. Лыжню «топчет» второе отделение, а медики двигаются сзади, по готовой лыжне. «Снег сухой и глубокий, идти приятно, лыжи мягко скользят», скорость движения значительная, к тому же «день выдался на редкость удачным, все время солнце, настроение у всех приподнятое», много фотографируют.

Но в аппарате в очередной раз заканчивается пленка, надо перезарядить, поэтому приходится сделать привал, а «все уходят вперед и ... пропадают».

ют из виду». Безусловно, на холоде «Лейку» заряжать труднее, но вскоре все готово, отец прячет ее под штурмовку и бросается догонять отряд. «Иду во всю силу, забыв, что за спиной значительный груз», и через полчаса «догоняю всех».

**«Единственное спасение –
это движение, движение и движение...»**

По целине группа лыжников прошла более 10 километров, но вышла «много левее» Пуннуса. Теперь «лидировать ставят нас. Темп ходьбы сразу возрастает. Впереди... бесконечное шоссе», в пределах 20 километров на карте «не обозначено ни одной деревушки». Быстро вечереет, «а с заходом солнца усиливается мороз».

Отец, привыкший к передрыгам и низким температурам, на ходу делает запись в дневнике: «мерзнет лицо, руки, но двигаться вперед надо», ведь «разбивать лагерь в лесу нерационально». К тому же командир колонны «решает двигаться... пока не дойдем до населенного пункта», пусть для этого пришлось бы идти всю ночь. Однако «мороз все усиливается, начали мерзнуть ноги... В движении на лыжах отряд находится... уже около 10-12 часов. Все сильно устали, промокли». На морозе «замерзает свитер и штурмовка, превращаясь в ледяную корку,.. сырые ботинки... деревенеют, хочется есть и пить».

Это реальность, утомление достигает крайнего предела, «люди начинают падать, шататься, но тут же поднимаются и идут дальше», снова падают «и снова идут». Отставать ни в коем случае нельзя, в темноте дорога теряется, а «если останешься один, да еще без лыжи, это смерти подобно». К тому же «мороз настолько сильный, что становится трудно дышать».

Участники из последних сил двигаются в темноте без «перекура». Отец отмечает: «во время самой малейшей остановки моментально разгоряченное тело охватывает мороз» и сам себя убеждает: «единственное спасение – это движение, движение и движение».

«Финский прорыв...»

У людей кризис. «Все настолько устали и злые, что с трудом даже разговаривают». В колонне «там и сям...слышны звучные 2- и 3-этажные ругательства», они без чина обращены на все, что окружает, ругают все и всех. От чрезмерной усталости «многие истерически хохочут, иногда даже без всякого пово-

да». Тут же «Коля Гусак провозглашает», что на привале прочитает лекцию, «что такое лыжные переходы, кому и на кой черт они нужны и как с ними бороться»! Все понимают, что это шутка, «все смеются над собой, над собственной усталостью».

А капитан Ходарев «вдруг останавливается и заявляет, что ему плохо, дальше идти он не может». Мы пытаемся «развести костер, рубим ветки, на дороге собираем солому». Укладывают беднягу поближе к огню. «Вместе с опытным инструктором ЦДКА» его приходится оставить, а самим двигаться дальше. В этот момент кто-то случайно замечает «в стороне от дороги... огонек и дым». Однако хозяева землянки «настолько перепугались таких странных посетителей», что отказались открывать «забаррикадированную... столом, скамейкой и домашней утварью» дверь. Позже рабочие честно сознались, «что здорово испугались, приняв наш отряд за финский прорыв». А мы «действительно были похожи на финнов, зеленые одинаковые штурмовки, рюкзаки, лыжи». Этот «лихой» эпизод похода, рассказанный отцом, красноречиво свидетельствует о непростом предвоенном времени...

Вскоре заболевшего капитана Ходарева довели до «избушки и оставили ночевать», а сама группа, «собрав все силы,.. двинулась дальше». Лучшие лыжники бросились вперед, ведь «цель близка», отец пишет: «откуда ни возьмись появилась энергия, и, быстро работая палками, все двинулись за первыми».

Однако у лидеров не оказалось карты, и, когда «подошли к развилке дорог», опять встал вопрос: куда идти? Отец пишет: «Пашин, не слушая моего совета ждать карту», взял «с собой тов. Аврамкова и Серебрякова и ушел по дороге, идущей в гору». При этом «ни окрики, ни приказ остановиться на него не действуют, и он скоро скрывается из виду». Нам становится ясно, что деревня Нурмиярви находится не в четырех, а в шести километрах, а «дорога, по которой пошел Пашин, верная». Отец «и еще несколько человек бросаемся догонять» оторвавшихся, хотя на «каждом шагу спуски и подъемы» и никого впереди не видно. Через полчаса подошли к речушке, топором прорубили лунку – «лед тонкий, и это вышло очень легко» – и, «котелком зачерпнув... воды», по очереди сделали несколько глотков. Пусть вода оказалась «желтоватого цвета с привкусом гнили... не беда», зато утолили жажду, и, рванув вперед, скоро увидели «пустой дом, а пройдя дальше, и деревню». Удивительно, но в тишине лыжники авангарда тут же услышали «хруст снега и ритмичный шум многих палок», это подходила основная группа.

«Нога белая и твердая как мрамор»

Самый напряженный день лыжной эпопеи наконец-то подошел к концу. Между тем я уверен: даже профессиональные туристы с трудом могут представить, что курсанты в 1941 г. «двигались подряд 16-17 часов» и за один переход преодолели фантастическое расстояние в «65-66 километров» целины.

Кое-как устроились. Дело стало за врачами. Отец сообщает: «первое, что мы, медики, сделали, это осмотрели ноги всех участников». У одного парня из Академии связи «оказались отморожены пальцы до середины ступни». Его нога была «белая и твердая как мрамор». В течение сорока минут ее растирали «шерстяным носком со снегом», и «пальцы отогрелись, потеплели», но диагноз не обсуждался – «гангрена неизбежна».

Откуда-то взялся алкоголь, «я дал... ему выпить стакан водки, и, тепло закутав», его уложили спать. Почти у всех при осмотре оказались слегка приморожены кончики пальцев, у многих обнаружены сильные потертости, выявлены другие недомогания. Люди настолько устали, «что еле передвигали ноги, а руки не поднимались». Вот тут-то «каждому из своих раздали по 100 г коньяка», и насмерть уставший народ «быстро согрелся и повеселел». Сразу же разделили пищу и вскоре приготовили крепкий чай. Едва перекусив, парни «залезли в спальные мешки и мгновенно заснули».

На этом сюжете записи в отцовском дневнике о героическом и неизвестном походе по линии Маннергейма, превратившемся в реальную пробу сил, обрываются. Хотя на следующий день еще был 50-километровый переход до Кексгольма. Через два дня повзрослевшие молодые люди походкой настоящих мужчин вступили на перрон Ленинградского вокзала в Москве, а до великой войны оставалось несколько месяцев...

От «двух кубарей» до «шпалы»

В июне 1941 года отец, слушатель IV курса военфака 2-го Московского мединститута, был призван на армейские сборы, которые проходили на территории военного аэродрома под Ржевом.

Он обучался достаточно редкой врачебной специальности – авиационной медицине. Молодежь страны Советов в эти годы жила мечтой о небе. В июне 1988 года я записывал его воспоминания и спросил, как началась война. Он отметил, что дней за пять до нападения почти все «наши люди» в учебном лагере «стали замечать, что происходит

что-то необычное». Во всяком случае, именно тогда «начались работы по монтажу на периметре поля аэродрома современных артиллерийских орудий». Однако «особого значения мы этому тогда не придали», мало ли что? Тем не менее в ночь с 21 на 22 июня отец был поставлен в наряд – «впервые за время сборов нам выдали боевое оружие».

«О том, что началась война, мы узнали рано утром 22 июня, на несколько часов ранее, чем поступило официальное правительственное сообщение», – рассказывал отец. Почти сразу же руководство института начало «решительное свертывание сборов». Через несколько дней «курсантов перевели в Москву», где всем без исключения «присвоили первое офицерское звание военфельдшер», а они между собой хвастались, теперь у них по «два кубаря», имея в виду знаки различия на петлицах.

Тогда же на факультете «в срочном порядке перекроили учебную программу на V курс», и уже по новому плану «занятия начались в самом начале июля 1941 года». Ныне трудно понять, но годовой «учебный курс был пройден в рекордно сжатые сроки», всего за три месяца. Занятия проводили уважаемые профессора «в различных клиниках Москвы». День «начинался в девять утра, а завершался в девять вечера».

Отец вспоминал: «В маленький перерыв на обед... мы срывались с главного учебного корпуса института, в небольших ларечках покупали свежие булочки, молоко и по существу перекусывали на лету».

Немецкие самолеты Люфтваффе уже бомбили Москву, «одна из первых бомб взорвалась рядом с папиросной фабрикой «Дукат», это недалеко от пл. Маяковского, где жила наша семья». Тем временем основательно подготовленный курс в конце сентября 1941 г. успешно сдал выпускные государственные экзамены. Всем присвоили звание «военврач 3-го ранга», как говорили тогда, выпускники «получили по шпале». После экзаменов руководство факультета «предложило свободную запись» для распределения в тыловые авиационные части под Свердловск. Некоторые согласились, но большинство, в том числе отец, выбрали фронт, с гордостью отказались от временной «льготы».

«Москва не будет немецкой»

Пройдя формальности «комиссии распределения», которая располагалась в самом «центре Москвы, с тыльной стороны ГУМа», отец «в должности старшего врача 564-го артиллерийского полка РГК (Резерв главного командования)... по-

лучил назначение прибыть в Подольск». Там формировался новый полк, основу которого составили сибиряки. Вскоре они «совершили марш в направлении города Серпухов», где заняли «оборону в составе 41-й армии Западного фронта». Сохранились трогательные письма отца с фронта, отправленные маме, моей бабушке Д.А. Данковой. В одном из них, из Малоярославца, датированном 17 октября 1941 г., он сообщает: «Дни настали горячие и интересные. На одном месте ни одной секунды не сидим, я вот сейчас пишу, а через 30 минут выезжаем на новые позиции».

Начальные сражения Московской битвы, несмотря на трагичность, не позволяли хандрить, более того, рождали оптимизм. Отец пишет: «Наше положение довольно хорошее, Москва не будет немецкой. Оборона крепкая».

В семейном архиве сохранились фотографии отца, сделанные в декабре 1941 года в подмосковных деревнях Новинки и Сулихово. Тогда отец возглавлял санитарную службу 15-го гвардейского артиллерийского полка, 20-й армии на Ржевском направлении. Потом были Центральный фронт, Сталинградская битва, бои под Курском, в Белоруссии и Восточной Пруссии, где он не только делал хирургические операции, но и руководил эвакогоспиталями. В газете «Гвардейское знамя» от 11 июня 1943 г. в заметке «Перед боем» отец пишет о фронтовых врачах: «Мы еще упорнее готовимся к предстоящим боям. Раненый боец и командир в госпитале найдет

настоящий покой и заботу». Сколько солдатских жизней было спасено за четыре года войны, никто не знает, а отец сам лаконично говорил, что много, очень много...

Весну 1945 года отец встретил в Восточной Пруссии в чине капитана медицинской службы. После штурма Кенигсберга (ныне Калининград), одиннадцатая гвардейская армия 3-го Белорусского фронта продолжила наступление на Запад.

Не секрет, что армия несла потери и медикам приходилось много работать, чтобы поставить в строй раненых. В местечке Гросс-Линденау на окраине Кенигсберга был организован госпиталь 1830, в котором отец возглавил хирургическое отделение. С болью в сердце он вспоминал, как за короткое время через его руки прошло более трех тысяч раненых. Операционный конвейер работал без перерыва, днем и ночью.

Между тем для меня и сестры Ирины немецкий Кенигсберг имеет еще один существенный и сакральный смысл. Здесь, на передовой, весной 45-го у наших родителей состоялась фронтовая помолвка. Прямо на руинах Кенигсберга отец-хирург и мать-военфельдшер соединили жизненные пути. Они встретили День Победы не только с кружкой шнапса, но и со скальпелем и тампоном в руке.

Фото предоставлены автором.

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 г. в Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Научный сотрудник Национального музея Республики Карелия.

Автор 190 печатных научных трудов по истории и культуре Русского Севера.

Публиковался в журналах «Север», «Carelia», «Музеи России»,

«Цитадель», «Гангут», «Корттик», «Экохроника», «Чело»,

«Рейтар», «История в подробностях».

Работа поддерживалась Институтом

«Открытое общество» (Фонд Сороса),

Шведским институтом (Стокгольм),

Национальным музеем Мальты (Ла Валлетта),

Восточноевропейским архивом при университете г. Бремена (Германия).

Научный руководитель исследовательского проекта «Осударева дорога»,

действительный член Русского Географического общества,

член Союза дизайнеров России.

